

БЫТОВЫЯ УСЛОВІЯ АРМІИ.

Изслѣдуя тѣ источники, откуда армія черпаетъ свою моральную силу, вещественнымъ выраженіемъ которой въ бою является та или другая степень ея упорства, понимаемаго въ широкомъ его значеніи, невольно, останавливаютъ вниманіе на себѣ тѣ моральныя условія, въ которыхъ протекаетъ жизнь войскъ, та повседневная, будничная жизнь, которая, обволакивая собой всѣ движенія, всѣ чувства, вліяетъ на послѣднія въ величайшей мѣрѣ.

Самое страшное, что губитъ русскую силу: это сѣрость, тусклость русской будничной жизни. Явленіе это служило всегда предметомъ самаго остраго вниманія всѣхъ наблюдателей жизни нашей родины, и все же и до сихъ поръ эта безпросвѣтная мгла, эта сѣрость не исчезаютъ, и мы въ своей жизни лишены главнаго—свѣтлыхъ, ясныхъ горизонтовъ, какой либо перспективы какъ впереди, такъ и назадъ въ глубь вѣковъ. Мы живемъ такъ, какъ будто тысячелѣтная исторія наша, со всѣми стихійными побужденіями, сознательными замыслами, борьбой, пораженіями, побѣдами, трагедіями и радостями, словомъ все то, что въ общей суммѣ событій составляетъ исторію Россіи, совершенно насъ не затрагиваетъ. Мы живемъ, считаемъ себя русскими, но ни въ умѣ, ни въ душѣ, ни въ сердцѣ своемъ не ощущаемъ присутствія той священной искры огня, которымъ жилъ и питался въ своей долгой исторіи рус-

скій народъ. Интересы наши порой увлекаютъ насъ за границы узкихъ эгоистическихъ ощущеній, но даже и тогда предѣлы нашихъ исканій и мыслей ограничиваются сравнительно ничтожной ареной современныхъ событій. Мы какъ бы лишены представленія о прошломъ своемъ, мы не проникаемъ, не тянемся и къ будущему и остаемся окутанными сѣрымъ промозглымъ туманомъ повседневности, будучи не въ силахъ разорвать эту пелену. Не ощущая въ себѣ ни великихъ стремленій, ни идей государственныхъ, мы не ощущаемъ въ себѣ роста великаго дерева Россіи и не проникаемся любовною радостью материнства—продолженіемъ исторической жизни нашего національнаго духа. Каждый переживаемый моментъ теряетъ для насъ свой идейный смыслъ, превращаясь въ нѣчто самостоятельное, отдѣльное, а потому мелочное, будучи на самомъ дѣлѣ лишь звеномъ безбрежной нашей исторіи. Подобное состояніе жизни русскихъ поколѣній имѣетъ конечно свое объясненіе. Вотъ уже два вѣка, какъ русскій народъ потерялъ свою связь съ идейнымъ государственнымъ ростомъ Россіи, и отчужденность эта, это изъятіе изъ состава активныхъ сознательныхъ силъ постепенно повело къ атрофіи въ нихъ государственнаго самосознанія. Безъ послѣдняго же не мыслима здоровая жизнь народа. Только присутствіе подобныхъ могучихъ идей способно оживлять и укрѣплять организмъ столь сложно громадный, какимъ является государство; нѣтъ ихъ, и наступаетъ реакція, упадокъ, а затѣмъ и омертвѣніе.

Къ великому безграничному счастью, начало нашего вѣка ознаменовалось событіемъ, поворачивающимъ Россію на путь возрожденія. Нашъ возлюбленный Императоръ любовнымъ сердцемъ своимъ обнялъ всю глубину печали русской души, томящейся въ своей отверженности, и царственной рукой своей устранилъ тѣ препятствія, изъ за которыхъ ей не видно было жизни и свѣта.

Величественное событіе это произошло въ годы страды, въ моментъ страшнаго кризиса. Моментъ былъ опасный. Царское сердце поняло нужное и смѣло и твердо исполнило это нужное во имя врачеванія и спасенія отечества.

Итакъ мы уже стоимъ на пути новой жизни, но послѣдняя упрочится лишь тогда, когда къ культурѣ ея приступятъ всѣ общественныя ячейки страны и въ частности армія.

Главнымъ господствующимъ звукомъ въ общемъ настроеніи арміи является настроеніе и жизнь офицерства, такъ глубоко влияющаго на солдатскую массу, и слѣдовательно на условія офицерской жизни необходимо обратить первое вниманіе.

Наша литература, ожившая за послѣдніе годы, посвятила не мало страницъ современному офицерскому быту, въ описаніи котораго не пожалѣла черныхъ красокъ. Мрачность тоновъ частью объясняется господствовавшимъ въ обществѣ направлениемъ, сознательной тенденціозностью извѣстныхъ общественныхъ группъ, но за всѣмъ тѣмъ эта мрачность все же являлась отголоскомъ дѣйствительности лишь утрированной. Заброшенное какъ въ смыслѣ мѣсть квартированія, такъ и матеріально и духовно, наше офицерство дѣйствительно жило не здоровою, безотрадною жизнью, на почвѣ которой—полный просторъ эксцессамъ всякаго рода и слпшкомъ мало пищи для питанія добродѣтели.

Общая сѣрость лишала и офицерскую среду тѣхъ ощущеній, здоровая острота коихъ удовлетворяла бы запросы настроенія, а прирожденная намъ пассивность не находила иного исхода борьбы съ этой сѣростью, кромѣ наркотиковъ всякаго рода, создающихъ лишь иллюзію удовлетворенія. И громадный процентъ пороковъ, недостатковъ и недочетовъ нашей офицерской среды проистекаетъ отъ ненормальныхъ условій жизни и отъ неудовлетворенности. Отъ нея и разгулъ, и игра, и та лѣнь къ службѣ, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходитъ всѣ границы возможнаго. Какъ бы ни тяжки были тѣ уклоненія отъ нормальнаго поведенія, въ которыхъ повинно наше офицерство, — трудно строго, а тѣмъ паче огульно обвинять его, ибо всѣ люди полны слабостей, борьба съ которыми возможна лишь при благопріятныхъ условіяхъ. Значительнѣйшая доля вины тутъ падаетъ не только на общую сѣрость, но и на самый военный укладъ, создающій специфическія условія для жизни и дѣятельности офицеровъ.

Казалось бы, что опасное разлагающее вліяніе окружающаго міра должно было бы удесятерить усилія въ созданіи своего собственнаго здороваго міра. Но нѣтъ!—въ этой области не только не проявилась должная энергія, но часто замѣчалось равнодушіе, доходящее до опаснаго индиферентизма.

А, между тѣмъ, естественная группировка офицерства въ особую корпорацію, проникнутую (хотя, можетъ быть, и не въ достаточной мѣрѣ) единствомъ духа и дисциплиной, создаетъ лучшія условія для просвѣтительной дѣятельности на этой нивѣ, ибо тутъ на лицо: «естественная организованность», чего такъ трудно, но такъ важно достигнуть.

Среди многихъ другихъ есть одна истина, объемлющая правдивость которой подтверждается ежеминутно. Истина эта въ томъ,

что обезпечить успѣшную работу, какъ отдѣльныхъ людей, такъ и группы ихъ, въ лицѣ обществъ, союзовъ, государства, возможно лишь средствами органическаго вліянія. Но однѣ крутыя, наиболѣе по видимости, подходящія мѣры не способны исправить изъянъ въ жизнедѣятельности людей, разъ онѣ являются мѣрами внѣшняго давленія и не несутъ въ себѣ средствъ воздѣйствія внутренняго. Лучшая изъ внѣшнихъ мѣръ—все же панацея, вліяніе которой не прочно и кратковременно.

Условія, въ которыхъ личность въ офицерской средѣ получить свой обликъ, заключаются въ обстановкахъ: 1) матеріальной; 2) моральной; 3) умственной и 4) служебной. Такимъ образомъ въ умѣломъ сочетаніи этихъ условій—залогъ оздоровленія офицерской среды.

Значеніе матеріальной обезпеченности не требуетъ доказательства, но за то необходимо тщательное изслѣдованіе всѣхъ прочихъ условій, ибо они составляютъ именно ту область органическаго вліянія, о которомъ упомянуто выше, которая устанавливаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и масштабы тѣхъ матеріальныхъ потребностей, характеръ которыхъ въ тѣсной зависимости отъ психики.

1. Моральныя условія.

Подъ моральными условіями жизни мы понимаемъ вліяніе окружающаго міра, кладущаго свой общій отпечатокъ на міровоззрѣніе данной личности. Окружающій міръ включаетъ въ себя: а) природу; б) общество и в) семью, которыя въ связи съ личными особенностями даннаго субъекта и составляютъ его душевный міръ.

а) *Природа*. Вліяніе природы на человѣка доказано и передано; ученіе о немъ положено въ основаніе всѣхъ социальныхъ наукъ. А разъ это такъ, то необходима самая тщательная осторожность въ выборѣ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ желательно закрѣпить данную группу людей. Между тѣмъ, въ вопросѣ дислокаціи нашихъ войскъ соображеніе это не играетъ роли, и если тотъ или другой пунктъ расквартированія иногда и опротестовывается, то обыкновенно въ соображеніяхъ чисто матеріальныхъ и никогда моральныхъ. Такъ, считается нормальнымъ расположеніе войсковыхъ частей въ различныхъ урочищахъ, штабъ-квартирахъ и пр., гдѣ голая пустынная равнина, лишенная растительности, подвергаемая всѣмъ вѣтрамъ, холодамъ, палящимъ отвѣснымъ лучамъ солнца, создаетъ гнетущую убійственную обстановку. Всякій знаетъ, съ какимъ безотраднымъ уныніемъ отправляются въ такія мѣста офицеры, а между тѣмъ войска тамъ квартируютъ, и ничто не

предвѣщаетъ близкаго увода ихъ изъ этихъ воистину ямъ. А всё эти еврейскія мѣстечки въ Привислянскомъ краѣ, или штабы и урочища въ Закаспійскомъ краѣ, или на Дальнемъ Востокѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что дислокація войскъ подчиняется соображеніямъ стратегическимъ и экономическимъ, но утвержденіе зависимости одного отъ друго требуетъ разумныхъ сочетаній, ибо иначе комбинаціи въ результатѣ даютъ такое превышеніе минусовъ надъ плюсами, что въ итогѣ получается лишь отрицательное.

Выборъ возможно лучшихъ по природѣ стоянокъ — непремѣнное условіе здоровой моральной жизни войскъ.

Къ сожалѣнію, громадному проценту нашихъ войскъ приходится квартировать въ городахъ, отношеніе коихъ къ природѣ нулевое. Однако и въ этомъ случаѣ въ рукахъ человѣческихъ имѣются средства, могущія уравнивать невыгоды природныя улучшеніями искусственными. Тутъ прежде всего возникаетъ вопросъ о казармахъ и ихъ стилѣ и самомъ характерѣ ихъ группировки. У насъ съ издревле, съ Аракчеевскихъ временъ, выработался единый, трафаретный типъ казарменныхъ построекъ. Въ свое время онъ отвѣчалъ господствовавшимъ настроеніямъ и самой идеѣ арміи, какъ рекрутской, забритой толпѣ, но, слава Богу, то время кануло безвозвратно, а на его мѣсто наступили новые дни, съ новою вѣрою, съ инымъ отношеніемъ къ идеѣ арміи. Между тѣмъ типъ нашихъ казармъ, равно какъ и ихъ планировка застыли въ прежнихъ формахъ и если претерпѣваютъ измѣненія, то почти исключительно въ санитарномъ и отчасти техническомъ отношеніи, оставаясь въ общемъ тѣми же Аракчеевскими казармами, столь характерными однимъ названіемъ своимъ.

Найти логическое оправданіе подобному упорному удерживанію печальныхъ воспоминаній прошлаго совершенно невозможно, оно не оправдывается ни экономіей, ни средствами и лишь служить къ вящему доказательству той глубокой истины, сколь безпомощны знанія, хотя бы и профессионально обширныя, коль скоро они уклоняются отъ поглощенія въ себя тѣхъ психическихъ мотивовъ, тѣхъ идейныхъ руководящихъ мыслей, присутствіе коихъ всегда должно являться основой для всякой творческой дѣятельности.

Наше военное инженерное вѣдомство вполне справляется съ техникой строительства, но къ сожалѣнію оно не вводитъ въ расчеты своихъ исчисленій внутреннюю моральную жизнь тѣхъ массъ, что будутъ селиться подъ ихъ кровами, и это упущеніе — глубочайшая ошибка. Уже одно то обстоятельство, что войска, водворяясь

въ заготовленные для нихъ казармы, немедленно приступаютъ къ созданію чего либо сглаживающаго общую сѣрость и унылость мѣсть, могло бы натолкнуть на явную необходимость вносить въ плапы казармъ притягательныя, а не отталкивающія черты, но пока этого нѣтъ. Но что же надо?—У насъ до сихъ поръ господствуетъ типъ Аракчеевскихъ казармъ, но, соблюдая форму старую притомъ крайне отрицательную, мы опускаемъ то, что въ старомъ нашемъ военномъ строительствѣ было идейнаго, хорошаго. Последнее, при всемъ уродствѣ внѣшняго, было и заключалось въ тѣхъ эмблемахъ, въ томъ стремленіи придать военнымъ жилищамъ характеръ господствовавшихъ тогда взглядовъ и даже строевыхъ построений. Во время Императоровъ Павла, Александра и Николая 1-хъ значенію выправки, маршировки и вытянутости придавали исключительное вліяніе, въ ихъ время не было мельчайшей детали которая уклонялась отъ положеннаго, отъ формы хотя бы на мили метръ. Взглядъ этотъ, глубоко въѣвшійся тогда въ понятія современниковъ, отражался на всѣхъ работахъ ихъ, находя себѣ яркое выраженіе между прочимъ и въ военномъ строительствѣ. Подлинные памятники его еще передъ глазами. Уныlostью вѣтъ отъ этихъ длинныхъ шкаповидныхъ построекъ, возникавшихъ безъ расчетовъ на солнце, свѣтъ и уютность, но за то взоръ невольно задерживается на выдержанности стила. Вотъ въѣздъ—желѣзные ворота составлены изъ длинныхъ пикъ, мѣстами къ пикамъ прикрѣплены щиты съ изображеніями доспѣховъ римскихъ воиновъ надъ воротами—металлическій сквозной орнаментъ и надъ нимъ эмблема Россіи—орелъ двуглавый съ одной короной и съ вѣнкомъ и пушкою подъ лапами. Вокругъ все тускло и уныло, но ворота эти одни способны были уяснить тѣмъ, кто входилъ въ нихъ, кто они и къ чему они. А вотъ внутренній плацъ. Онъ голъ и безотраденъ, но столбы, его обрамляющіе, строго равняясь и строго одѣты по формѣ въ бѣлое, черное и оранжевое, говорятъ о пагубности и ничтожествѣ всего, что не выравнено и не одѣто по формѣ; рогатки точь въ точь также одѣты и такъ выровненныя, подтверждали увѣренія столбовъ, и наши прадѣды понимали эту безсловесную строгую рѣчь и тянулись, равнялись и сливались съ фономъ.

Однимъ изъ первыхъ условій измѣненія нашего казарменнаго строительства должно явиться введеніе въ него той идейности того стила по духу, какимъ отличались постройки Павловскихъ и Александровскихъ временъ. Но съ тѣхъ поръ всѣ идеи арміи претерпѣли коренное перерожденіе, и несомнѣнно въ новыхъ казар

махъ вся идейная сторона должна опираться на это новое. А что подобное стремленіе оживлять замыселъ въ матеріалахъ, вещественныхъ выраженіяхъ, не есть плодъ фантазіи, тому свидѣтелемъ—вся исторія, въ коей всякому моменту и всякому народу въ разное время относится созданіе тѣхъ или другихъ архитектурныхъ стилей, а затѣмъ—сама современность въ лицѣ хотя бы германскихъ казармъ.

Кому доводилось бывать въ Германіи и хотя бы проѣздомъ видѣть казарменные расположенія германскихъ полковъ, тотъ невольно преклонялся передъ той высокой мудростью, которая руководитъ дѣятельностью этого народа во всѣхъ мельчайшихъ развѣтвленіяхъ ея. Проникнутые духомъ широкаго имперіализма, воодушевляемые въ этомъ стремленіи преклоненіемъ передъ національной силой своей, нѣмцы искусно пользуются всѣми средствами оживленія, матеріализаціи своихъ настроеній. Этимъ объясняется многочисленность и величіе памятниковъ, разсѣянныхъ или растущихъ по всѣмъ городамъ Германіи; изъ этихъ идей выросла знаменитая аллея Славы въ Берлинѣ, и, наконецъ, въ стилѣ этихъ идей воинствующаго патріотизма создаются тѣ зданія, обиходное имя которыхъ суть «казармы», но истое идейное названіе коихъ—дворцы духа. Классическая эпоха милитаризма—эпоха Фридриха II и ближайшихъ его потомковъ канула въ Лету и въ Германіи какъ у насъ, но Германія, оставаясь въ головѣ и новыхъ теченій жизни, сумѣла удержать то хорошее изъ стараго, что составляло его дѣйствительную силу, и почему на современной жизни и организаціи ея арміи лежитъ все тотъ же отпечатокъ гармоніи стиля съ идеями, внѣшнихъ вещественныхъ эмблемъ съ внутренними идейными замыслами. Казармы германскихъ полковъ таковы, что каждый солдатъ, каждый офицеръ въ нихъ живущій проникаются чисто внѣшне, однимъ вліяніемъ видимости, духомъ чистоты, акуратности, красоты и идейной раціональности и профессиональной практичности, кои являются отличительными чертами души нѣмецкаго народа.

То ли у насъ? Въ мѣстностяхъ, въ коихъ рѣшено обосновать войсковую часть, часто лучшіе по природѣ и притомъ доступные участки оставляются въ пренебреженіи, выбираются голые солнцепеки, нелѣпые, въ отношеніи и красоты, и гигіены, и на этихъ то отверженныхъ клочкахъ земли возводятся ящики въ 2—3 этажа, назначеніе коихъ всякому становится очевиднымъ лишь по тому, что по виду казармы можно смѣшать лишь съ тюремными зданіями.

б) *Общество*. Вторымъ факторомъ, моральное вліяніе котораго на личность въ арміи также весьма велико, является общество. Къ несчастью, современный расколъ, царящій въ русской жизни, разслоилъ наше общество на враждебныя замкнутыя группы. При такихъ условіяхъ трудно установить какую либо нормальную связь между арміей и остальными интеллектуальными кругами страны, и изъ среды послѣднихъ приходится выдѣлить лишь тѣ, понятія которыхъ роднятъ не съ представителями національной защиты. Но если обстоятельства настоящаго момента заставляютъ армію сжимать кругъ своихъ внѣшнихъ общеній, сосредоточивая свою общественную жизнь главнымъ образомъ въ военныхъ и имъ близкихъ кругахъ, то отсюда не слѣдуетъ желательность кастовой замкнутости. Кастовая обособленность это крѣпостное сидѣніе въ періодъ осады, и поэтому оно оправдывается лишь въ минуты опасности. Но разъ послѣдняя миновала, разъ идейные горизонты просвѣтлѣли и пониманіе государственныхъ нуждъ вновь окрѣпло въ сознаніи народа, было бы вредно упираться въ обособленности, что поведетъ ко взаимному отчужденію арміи и общества. То и другое лишь части общаго цѣлаго, и потому духовная жизнь ихъ должна быть общая, разъ то возможно. Современная армія есть національная армія, черпающая свою силу изъ нѣдръ народа, питающая свой духъ изъ духа народнаго, и поэтому взаимное пониманіе и уваженіе—естественное состояніе изъ взаимныхъ сношеній.

Однако, не арміи приходится дѣлать первые шаги для сближенія. Арміи поручено храненіе драгоцѣннѣйшихъ идей государственныхъ, и она обязана вести себя строго, нѣсколько холодно, кладя этимъ грань для происковъ всѣхъ сознательныхъ и безсознательныхъ посягателей. И эту сдержанность общество не должно перетолковывать, какъ надменность отталкивающаго свойства, но понимать ее въ томъ смыслѣ, въ какомъ она является въ дѣйствительности; а разъ такъ, то на обязанности самого общества лежитъ внушать себѣ довѣріе этой естественно нѣсколько замкнутой силѣ, не затрагивая въ своихъ сношеніяхъ съ нею тѣхъ мѣсть, прикосновеніе къ коимъ можетъ лишь расширить и углубить естественную грань до предѣловъ крѣпостнаго рва.

И общество не только должно, но обязано такъ поступать, ибо въ противномъ случаѣ оно губитъ то, что имъ же съ затратой столь многихъ усилій создавалось. Покинутая обществомъ, армія безусловно теряетъ и слабѣетъ, но кто является при этомъ дѣй-

ствительной жертвой?—не армія и не общество, а весь народъ, вся нація, все государство, защитная сила котораго въ этомъ случаѣ переживаетъ кризисъ. И именно въ интересахъ народа и государства общество должно вырабатывать въ себѣ истыя отношенія къ арміи, проявляя въ послѣднихъ всю нужную мѣру такта и чуткости. Но если первый шагъ за окружающимъ армію обществомъ, то съ другой стороны и армія не въ правѣ сторониться протянутой руки, разъ послѣдняя протянута искренно. Армія не сама для себя и не сама въ себѣ, и она обязана помнить свою кровную связь съ народомъ. И въ своихъ отношеніяхъ къ обществу армія не только обязана отзывчивостью на искреннее дружелюбное отношеніе къ себѣ, но она обязана своимъ стремленіемъ къ славѣ родины возбуждать это чувство во имя тѣхъ же идей государственныхъ, а не личныхъ. Армія обязана ревниво оберегать свою репутацію, строго блюсти себя, и это одно служить мостомъ, по которому общественныя симпатіи къ ней устремляются.

Итакъ, въ вопросѣ сношеній арміи съ обществомъ не трудно установить извѣстную зависимость поведеній, характеръ которыхъ долженъ подсказываться обоюднымъ пониманіемъ пользы не личной, а всенародной, всегосударственной. Всѣ мы дѣти одного народа, всѣ мы подданные одного Государя, въ личности котораго олицетворяется вся сущность нашего политическаго бытія—единеніе и патриотизмъ, и въ силу этого сознательное устраненіе отъ искренней, честной дружбы одинаково преступно и политически тупо какъ для одной, такъ и для другой изъ сторонъ.

в) *Семья.* Какъ бы ни велико было вліяніе природы на человѣка, какъ ни зависѣло бы его моральное состояніе отъ окружающаго его общества, оба эти фактора однако уступаютъ первенствующее мѣсто семьѣ, которая играетъ исключительную роль въ жизни человѣка. Семья—это ближайшій міръ, который питаетъ всѣ чувства его, и удачная семейная обстановка—необходимое условіе для счастья личности. Но было бы близоруко думать, что основой семейнаго благополучія является исключительно любовь. Наличие послѣдней, какъ прочнаго, здороваго чувства, возможна лишь при условіи здоровой жизни членовъ семьи, на настроеніе которыхъ вліяютъ какъ моральная, такъ и физическая ихъ крѣпость, и лишь при здоровой физической и духовной жизни ихъ возможно прочное счастье въ семейномъ союзѣ. Создавая семью офицера здоровую атмосферу для жизни и развитія, организаторы арміи этимъ

самымъ заложать одно изъ прочнѣйшихъ основаній для закрѣпленія нравственныхъ устоевъ нашего офицерства.

Какъ и въ вопросѣ о матеріальной обстановкѣ, такъ равно и тутъ, тяготѣніе къ разрѣшенію этой потребности замѣчается въ самой военной средѣ, но и въ данномъ случаѣ всѣ усилія эти имѣютъ характеръ чисто случайный, отрывочный и въ общемъ крайне ничтожный. Наша военная среда старается объединиться, но сближеніе, которое при этомъ замѣчается, не имѣетъ цѣлью завоеванія здоровой жизни, а скорѣе походитъ на усилія бороться съ тѣмъ, что обзывается въ обиходѣ скукой, а въ дѣйствительности является болѣзненнымъ застоємъ чувствъ и крови. И потому что поводомъ сближенія является желаніе лишь сгладить непривлекательную дѣйствительность, а не перерожденіе ея въ новую лучшую жизнь, всѣ эти усилія лишь слабыя попытки пассивнаго чисто оборонительнаго характера, неспособныя побѣдить натиска разлагающихъ микробовъ. Для борьбы со «скукою» въ нашихъ «маленькихъ гарнизонахъ» примѣняются семейные вечера съ танцами, застольныя сидѣнія, визитированіе и увѣ... возліанія; но развѣ это средства для лучшей жизни, и развѣ этими средствами возможно возбудить къ себѣ ту благодатную *la joie de vivre*, къ которой такъ сознательно стремятся всѣ культурные наши сосѣди?...

И не правъ будетъ тотъ скептикъ, который сочтетъ эту мысль за плодъ фантазіи или сантиментальности. Эта идея «радости жизни» пріобрѣтаетъ особое значеніе именно теперь, въ нашъ реальный XX вѣкъ, являясь не только цѣлью, но культомъ современныхъ передовыхъ націй. Англичане, американцы—они ли не кульминація практической дѣловитости, и именно у нихъ это стремленіе достигнуть совершенства здороваго тѣла, какъ предверія къ здоровому духу и бодрымъ энергичнымъ настроеніямъ, обратилось въ культъ. А рядомъ со спортомъ всѣ они сознательно волнуютъ себя духовными интересами, путешествуя, изслѣдуя, наблюдая. Въ цѣляхъ физическаго совершенствованія они создали спортъ и для женщинъ, и для мужчинъ. Въ цѣляхъ духовнаго развитія у нихъ всякій стремится увлечься какимъ либо вопросомъ или дѣломъ, своимъ «*hobby*», на которомъ онъ отдыхаетъ отъ борьбы за существованіе. И каждый добрый англичанинъ и каждая англичанка должны быть спортсменами, и каждый изъ нихъ долженъ имѣть свое «*hobby*», свое увлеченіе въ области мысли и здоровыхъ чувствъ, ибо иначе они не будутъ тѣми здоровыми и прочными во всѣхъ

смыслахъ британцами, которые владѣютъ землями и цѣлыми царствами во всѣхъ частяхъ свѣта и во всѣхъ океанахъ.

Стремясь обезпечить наилучшія моральныя условія для жизни военной среды, организатору необходимо изыскивать средства къ сохраненію благодатной жизненной силы въ семейныхъ ячейкахъ, и такъ какъ послѣднее выражается въ физическомъ и духовномъ здоровьи, и такъ какъ всякія завоеванія возможны лишь при объединеніи одномыслящихъ силъ, то въ задачу организатора входитъ прививать спортивные и духовные интересы военной средѣ, стараясь развить этотъ интересъ въ нихъ въ формѣ общаго и сознательнаго увлеченія. Организаторъ не въ силахъ отвѣтить всѣмъ запросамъ каждой семьи, но онъ можетъ посвятить часть заботъ своихъ одной коллективной военной семьѣ, прививая ей истинные взгляды на способы къ завоеванію жизни, и обязанъ къ тому, ибо онъ обязанъ работать надъ созданіемъ лучшаго образца офицера, который въ громадномъ количествѣ случаевъ троиченъ въ лицахъ (жена и дѣти).

Поощреніе и поддержка кружковъ спорта для обоого пола, поощреніе экскурсій, проникновенная критика вздорныхъ занятій, вздорныхъ увлеченій, осужденіе нелѣпой роскоши и поощреніе доблестнаго поведенія тѣхъ военныхъ женщинъ, которыя не видятъ стыда въ скромности, но стремятся сохранить въ себѣ бодрость и энергію, поощреніе и поддержка музыкальныхъ и прочихъ интеллектуальныхъ кружковъ, содѣйствіе здоровому воспитанію военныхъ дѣтей, тактичное осмѣяніе всѣхъ потугъ на внѣшній блескъ, поощреніе и содѣйствіе созданію гигиеническихъ условій жизни—вотъ отрывокъ изъ цѣлой вереницы тѣхъ мѣропріятій, которыя, искусно проведенныя черезъ инстанціи военныхъ начальниковъ, способны ввести жизнь коллективной военной семьи въ здоровое чистое русло. И задача эта тѣмъ необходимѣе, что самая народная жизнь еще не создала подобныхъ условій для жизни и развитія всѣхъ общественныхъ слоевъ, и армія, получающая притокъ силъ отъ общества, не обогащается этими свойствами въ формѣ органической пересадки. А поэтому необходимо, чтобы сама армія дѣлала все возможное для поддержанія свѣжести и бодрящаго настроенія въ атмосферѣ своей личной жизни. И для того, чтобы такая необходимость стала понятною, достаточно лишь на минуту пріостановиться и заглянуть въ ту бездну несчастья и горя, которымъ отмѣчается жизнь столь многихъ изъ нашихъ военныхъ семей. Въ переживаемое нами время намъ нужны добродѣтели, но

послѣднія необходимо воспитывать, послѣднимъ необходимы известныя условія для расцвѣта, ибо иначе—зачахнутъ они...

Ежегодно изъ военныхъ училищъ въ армію вливаются свѣжія силы. Сколько бодрости, сколько вѣры въ этихъ юныхъ поколѣніяхъ! На вскормленіе ихъ затрачены многіе годы. И, вступая въ жизнь, эти юноши, этотъ лучшій цвѣтъ нашъ способны на подвиги доблести, только надо, чтобы корни этихъ юныхъ растений, имѣющихъ всѣ данныя стать могучимъ, роскошнымъ лѣсомъ силы и мужества, нужно, чтобы они попали въ здоровую почву и въ хорошія условія для роста. А на дѣлѣ сколько ихъ гибнетъ, какимъ разочарованіямъ, какимъ упадкомъ духа вѣтъ отъ нихъ черезъ два три года новой жизни. Одной изъ причинъ тому—является неудовлетворительность ночвы жизни нашей военной коллективной семьи.

2) Умственныя условія.

При благопріятнѣйшихъ условіяхъ, при здоровой физической и духовной жизни, все существо человѣка проникается любовью къ жизни, а умъ его начинаетъ испытывать голодъ познанія. И чѣмъ идейнѣе и богаче будетъ тотъ матеріалъ, который онъ начнетъ поглощать, тѣмъ крупнѣе и идейнѣе будетъ выростать его личность. Ибо съ здоровымъ развитіемъ ума въ человѣкѣ создается властный императивъ, которому подчиняются страсти, склонности и побужденія. Открывать поэтому широкій путь къ умственному совершенствованію офицерской среды—также одна изъ крупнѣйшихъ задачъ организатора. Попытки въ этомъ направленіи уже дѣлаются съ одной стороны правительствомъ, съ другой опять таки самою же офицерской средой. Но пока еще мѣра усилій въ этомъ направленіи далеко не исчерпана. Тому причиной—разрозненность частныхъ стараній и косвенность содѣйствія правительства. Государству необходимы группы военныхъ специально образованныхъ, и въ этихъ видахъ созданъ рядъ высшихъ военныхъ школъ. Но этою мѣрою не достигается повышеніе умственного уровня офицерской среды, ибо наибольшій процентъ академикомъ переходитъ на специальную службу и покидаетъ чисто строевыя ряды. Нельзя не остановиться надъ вопросомъ развитія самообразования.

Стремленіе къ самообразованію признакъ нормальнаго поступательнаго развитія людей, и его нельзя оставлять безъ поощренія. Жажда познанія — благороднѣйшій изъ порывовъ, и поэтому

она законна и желанна и въ военной средѣ. Но если народъ въ своемъ стремленіи познанія не связанъ выборомъ матеріала, армія не можетъ позволить себѣ той же свободы, ибо она имѣетъ свое особое призваніе, въ жертву котораго должна посвящать себя. Поэтому не всякое увлеченіе познаніемъ доступно для арміи, и изъ числа послѣднихъ за порогомъ жизни ея должно оставаться все, что вноситъ смуту и путаницу въ тѣ понятія, ясность и непоколебимость коихъ необходимы. Конечно, природная цѣнность послѣднихъ способна оградить сама себя отъ разлагающаго вліянія извѣстныхъ доктринъ, но могутъ увлекать независимо единой своей новизной или модностью, тумана разсудокъ и вытравляя способность къ анализу. Я совсѣмъ не желаю введенія системы запретовъ и загоронокъ, роль которыхъ лишь механическая, но указываю, что дѣятельность организатора въ данномъ случаѣ должна пріобрѣтать особый характеръ, въ фѳормѣ поощренія и содѣйствія извѣстнымъ только областямъ военной мысли. Однако если приходится подчеркивать извѣстныя грани, въ которыхъ должна быть поставлена умственная жизнь офицерской среды, послѣднее вовсе не умаляетъ струю притока мысли, которая естественно проникнетъ въ толщу послѣдней, и лишь должно очищать ее отъ всей заразы, потребление которой грозитъ болѣзнию. За всѣмъ же тѣмъ весь необъятный міръ чистыхъ благородныхъ идей какъ военныхъ, такъ міровыхъ и гражданскихъ, можетъ свободно вступать въ военную душу и волновать военный умъ и военное сердце лучшими чувствами. Громадную роль въ возбужденіи послѣднихъ играетъ живое слово. И поэтому, наряду съ поощреніемъ бібліотекъ и чтенія, необходимо возможно чаще въ офицерскихъ кружкахъ прибѣгать къ живому слову съ кафедръ. Тѣ идейные облики, которые западали бы при этомъ въ сознаніе слушателей, служили бы для многихъ изъ нихъ побужденіемъ къ развитію энергіи и бодрости къ работѣ. Одно знакомство съ жизнью и самоотверженной работой многихъ изъ нашихъ сосѣдей способно уже поддержать лучшихъ и устыдить упавшихъ духомъ. Содѣйствіе литературному творчеству, въ особенности военному, крайне желательно. Чѣмъ больше военныхъ органовъ, хотя бы малыхъ размѣровъ, тѣмъ больше данныхъ возбудить обмѣнъ мнѣній и интересъ къ тѣмъ вопросамъ,—вѣрное усвоеніе которыхъ требуетъ перекрестной критики и разбора.

3) Служебныя условія.

Изслѣдуя человѣческую дѣятельность, необходимо признать, что послѣдняя питается изъ двухъ источниковъ; одинъ составляетъ область технической обстановки работы: орудій, знаній, образцовъ, средствъ, а другой—включаетъ въ себя всю ту совокупность внѣшнихъ условій, которыя, создавая извѣстную атмосферу вокругъ работающихъ, черезъ нее вліяютъ на производительность послѣднихъ. Эта «атмосфера» работы способна удесятенить интенсивность усилій, пробуждая высшую форму послѣднихъ—самодѣятельность; она же способна загубить дѣло, отравивъ духъ и волю исполнителя.

Первая область условій—область внѣшняго механическаго распорядка, вторая же сфера органическаго вліянія, объектомъ котораго является трудящійся. И вліяніе послѣдней весьма существенно даже въ тѣхъ отрасляхъ труда, гдѣ задача рабочихъ чисто механическаго свойства. Ибо какъ бы ни стремился, напримѣръ, предприниматель отождествить человѣка съ машиной, послѣдній лишь въ томъ случаѣ проявитъ всю мѣру своихъ силъ, когда атмосфера, въ которой онъ работаетъ, будетъ дѣйствовать на него не угнетающе, а благотворно. Силою, вдыхающею жизнь во весь механизмъ предпріятія, является рабочая человѣческая сила. И представляется весьма важнымъ обезпечить послѣднюю здоровой атмосферой, ибо иначе она теряетъ значительную долю энергіи и ежеминутно готова распастся. И талантливый предприниматель, чутьемъ улавливая характеръ соотвѣтствующей обстановки, не останавливается теперь передъ затратами, понимая, что принесенная жертва окупится сторицею.

Такой предприниматель привлечетъ рабочихъ или къ участию въ предпріятіи въ извѣстномъ процентѣ, чѣмъ сроднитъ ихъ съ послѣднимъ, или возбудитъ энергію путемъ конкуренціи, установивъ преміи, или, наконецъ, постарается обставить жизнь рабочихъ возможно привлекательнѣе, устроивъ общежитія, обезпечивъ хорошую врачебную помощь, дешевые продукты, легкій кредитъ, организовавъ читальни, клубы, школы, лекціи...

Но если вліяніе атмосферы играетъ серьезное значеніе въ механической дѣятельности, то какова же роль ея въ дѣятельности идейной, гдѣ успѣхъ работы такъ безгранично зависитъ отъ самодѣятельности отдѣльныхъ рабочихъ единицъ и гдѣ ни одна мѣра механическаго давленія не можетъ сама по себѣ возбудить идей-

наго творчества. И если въ механической дѣятельности можно мѣнѣе считаться съ условіями атмосферы и возможно отождествленіе человѣка съ машиной, замѣняя одну другою безъ счета, то въ области идейной творческой работы такое игнорированіе атмосферной работы неминуемо влечетъ за собою прекращеніе поступательной дѣятельности, на смѣну которой останется только инерція.

Въ военной дѣятельности имѣются рѣзко выраженные цѣли, оборудованы техническія средства къ достиженію послѣднихъ, но еще не достаточно обращено вниманія на тѣ условія, вліяніе которыхъ способно путемъ органическимъ возбудить, усилить творческую работу участниковъ великаго священнаго дѣла.

Наше офицерство распредѣлено по своимъ мѣстамъ, и каждый изъ нихъ имѣетъ кругъ своихъ опредѣленныхъ обязанностей, но назначенные «нести свою службу» они далеко не вовлечены еще «въ общее дѣло». И поэтому, несмотря на громадный запасъ творческихъ силъ, успѣхъ нашего военного искусства далеко не блестящій. Ибо участіе большинства въ значительнѣйшей мѣрѣ лишь механическое, отчего огромный процентъ творческой силы утекаетъ, прорывается и пропадаетъ безъ пользы для дѣла.

Среди офицерства нашего очень много людей добросовѣстныхъ къ обязанностямъ службы, но людьми, проникнутыми насквозь тѣми идеями, наличность которыхъ составляетъ сущность ихъ дѣла, обсчитаться нельзя. Взять хотя бы тотъ же вопросъ о воинской дисциплинѣ или о корпоративномъ единствѣ, или о военномъ самообразованіи. Офицерство наше учитъ дисциплинѣ и въ то же время во многихъ случаяхъ поражаетъ своими уклоненіями отъ нея, офицерство официально объединяетъ себя въ одну корпорацію и въ то же время зачастую готово проявить по отношенію своихъ же корпорантовъ полное небреженіе или высокомеріе, неуваженіе; офицерство наше поучаетъ военному искусству и полно индифферентизма къ процессамъ развитія послѣдняго. Частью сознательный, частью бессознательный эгоизмъ, равнодушіе и отсутствіе общихъ идей—вотъ одна изъ отличительныхъ чертъ нашей офицерской среды. Фактъ этотъ не только прискорбень, но и обиденъ, ибо, повторяемъ, въ природѣ нашего офицерства въ первую пору его службы лежитъ масса цѣннаго, которое даже и при настоящей своей необработанности внушаетъ глубокое къ себѣ уваженіе. И именно послѣднее обстоятельство заставляетъ искать причину атрофіи въ нихъ многихъ необходимыхъ дѣловыхъ чувствъ не столько въ изъянахъ натуры нашего офицерства, проходящаго съ

малолѣтства двойную военную школу, сколько въ той служебной обстановкѣ, въ какую они попадаютъ.

Обстановка нашей военной службы такова, что главныя основныя идеи въ ней расплываются и постепенно совершенно затериваются. Такъ, офицеръ постоянно носитъ мундиръ, служащій ему вѣчнымъ напоминаніемъ его назначенія, онъ посѣщаетъ ежедневно казармы, гдѣ все должно говорить ему о той роли, на которую онъ призванъ; всѣ занятія его съ подчиненными заключаются въ военныхъ упражненіяхъ и въ развитіи въ нихъ военныхъ взглядовъ, и, несмотря на все это, обстановка его служебной дѣятельности не въ состояніи поддержать идейнаго огня, и послѣдній тускнѣетъ или даже гаснетъ. Служебный горизонтъ офицера до того суженъ, пространство, на которомъ онъ работаетъ, до того духовно ограничено со всѣхъ сторонъ, что онъ буквально перестаетъ изъ-за деревьевъ видѣть лѣсъ. Послѣдній постепенно вытирается изъ перспективы его мыслей, исчезая настолько рѣшительно, что всѣ доводы и напоминанія, которые ему затѣмъ приходится выслушивать, онъ уже почитаетъ за «жалкія слова».

Нашъ офицеръ—безнадежный спептикъ и пессимистъ. Для того, чтобы вернуть офицерству необходимыя ему свойства, нужно вывести его изъ мрака его служебнаго одиночества, освѣтить яркими лучами его роль, значеніе, смыслъ и обязанности въ общей жизни и въ общихъ стремленіяхъ. И только тогда личность офицера будетъ въ состояніи проникнуться той служебной сознательностью, которая способна повести къ восторженному служенію дѣлу. Въ подобное положеніе поставленъ офицеръ германской и японской армій, и во всемъ ихъ видѣ, въ каждомъ движеніи, во всѣхъ мысляхъ и сужденіяхъ поражаетъ тотъ фанатизмъ, то исключительное увлеченіе своимъ дѣломъ, безъ котораго невозможно достигнуть высокаго напряженія силъ.

В. В. Арибенко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

